ВОДА И ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ В ИСТОРИИ СИБИРИ**SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF RUSSIAN HISTORY**

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.016

УДК 94(571.1)"17": 639.2(091)

ББК 63.3(253.3)53-2

О.А. МИЛЕВСКИЙ

**РЕКА ОБЬ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ
КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВВ.**

O.A. MILEVSKY

**RIVER OB AS OBJECT OF SCIENTIFIC
RESEARCH OF POLITICAL EXILES
THE LATE XIX-EARLY XX CENTURIES**

В статье рассматривается научная деятельность политических ссыльных, направленная на изучение реки Обь. Обращается внимание на то, что в основном они фокусировали свое внимание на выяснении роли реки в социально-экономической жизни населения Севера Западной Сибири. Особое внимание ими уделялось изучению способов рыбной ловли, специфике организации рыболовных промыслов и тяжелому положению рабочих-промысловиков. Анализируются предложения ссыльных по реорганизации рыбного промысла на Оби на более справедливых принципах гуманизации труда, создания артелей и кооперации.

The article examines the scientific activities of political exiles aimed at studying the Ob River. Attention is drawn to the fact that they mainly focused on clarifying the role of the river in the socio-economic life of the population of the North of Western Siberia. They paid special attention to the study of fishing methods, the specifics of the organization of fisheries and the study of the working conditions of fishing workers. The proposals of the exiles for the reorganization of fishing in the Ob on more equitable principles of humanization of labor, the creation of artels and cooperation are analyzed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Север Западной Сибири, река Обь, политическая ссылка, научные исследования, география, рыбные промыслы, кооперация.

KEY WORDS: North of Western Siberia, Ob River, political exile, scientific research, geography, fisheries, cooperation.

ВВЕДЕНИЕ. История изучения Севера Западной Сибири имеет давние традиции. Пионером в этом направлении в XVIII в. выступил естествоиспытатель и филолог из Данцига Д.Г. Мессершмидт. Его сибирские экспедиции, охватившие в том числе и Обской Север, продолжались с 1720 по 1727 гг. Именно по его поручению пленный шведский офицер Ф.Ю. Табберт выполнил описание реки Обь. Продолжателями дела Мессершмидта стали участники Великой Северной экспедиции (1720–1750-х гг.), а затем сибирской экспедиции П.С. Палласа 1768–1774 гг., в рамках которой В.Ф. Зуев совершил поездку к устью Оби и на побережье Ледовитого океана для изучения быта и культуры хантов и ненцев. По ее итогам он подготовил работу «Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцев» [6, с. 351]. Как видим, уже в XVIII в.

исследователи, работавшие на Севере Западной Сибири, уделяли внимание ее главной водной артерии — реке Обь.

В период с XVIII — по первую половину XIX в. проводились изыскания и в рамках топографии и картографирования рек Обь-Иртышского бассейна. В пореформенный период Западносибирский Север, важной составной частью которого являлся Тобольский Север, привлекает все большее внимание государства. Быстро нарождающийся отечественный капитализм также проявляет активный интерес к этому богатому ресурсами, но труднодоступному региону. В 1876 г. состоялась экспедиция, организованная на средства «Общества содействия русскому торговому мореплаванию» в составе Матвеева, Орлова и Васильева для исследования водного и сухопутного пути из Байдарацкой губы на реку Обь, через перешеек полуострова Ямал. Тогда же, в 1876–1877 гг. купцами Сибиряковыми, Трапезниковым и др. под эгидой этого же общества была снаряжена экспедиция в низовья Оби [11, с. 55]. В 1884 г. А.М. Сибиряков совершил путешествие на оленях от реки Печоры через Урал на северную Обь и далее по Югре до Тобольска. Этот путь впоследствии стал называться «сибиряковским трактом» [18, с. 96, 112–116].

И все же ключевым звеном в плане транспортной логистики для представителей торгового капитала оставалась река Обь. Именно она играла важнейшую роль в расширении торгово-экономических коммуникаций в этом краю «лесов и болот», где иных дорог просто не существовало. Причем Обь как транспортную магистраль задействовали и летом, и зимой. Вот что писал об этом в начале XX в. Г.А. Пирожников, служивший в то время сургутским уездным исправником: «Грунтовых дорог на Севере нет. Сообщение осуществлялось зимой на лошадях по магистрали реки Обь до юрт Мурасовых Лумпокольской управы на границе с Томской губернией до города Березова, а далее до Обдорска на лошадях и оленях...Летом сообщение осуществлялось по рекам на пароходах и лодках...Частные пароходы рейсовали до Обдорска в низовьях Оби, главным образом для обслуживания рыбных промыслов» [11, с. 49]. Огромную роль играла Обь и в экономическом развитии Тобольского Севера, именно по берегам этой реки располагались основные населенные пункты — Сургут, Березово, Обдорск, в которых велась активная предпринимательская деятельность купцов, на ней же производился основной рыбный промысел, а как известно, возобновляемые природные ресурсы (рыба, зверь, птица, дикороссы и кедровый орех) являлись тогда главным богатством Обского севера.

Поэтому неудивительно, что интерес к изучению Оби в конце XIX — начале XX вв. не угас, скорее наоборот! Но при этом он обрел новые очертания. Во многом это связано с двумя факторами. Первое — открытие по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова 31 июля 1877 г. Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО). Именно в его рамках в 1879 г. исследования северных тундр между Обской губой и Сургутом производил сотрудник ЗСОИРГО Н.К. Хондажевский. Он же составил карту пройденного пути [11, с. 56].

Во-вторых, возрождение института политической ссылки в эти места, только теперь вместо декабристов и поляков сюда отправлялись революционеры-народники. Именно эти люди, часто из образованных классов общества, сыграли большую роль в изучении региона, включая реку Обь.

Научная деятельность политссыльных на Севере Западной Сибири начала изучаться сразу после Октябрьской революции 1917 г. В центральном журнале «Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев» — «Каторга и ссылка» уже в 1920-х гг. появляется ряд статей С.П. Швецова [22; 23; 24; 25], статья В.И. Николаева [10], автора под псевдонимом «Сургутянин» [20], а также статья Ю.Н. Подбельского [12], в которых приводились малоизвестные факты об этой стороне жизни ссыльных-народников.

В более поздний период развития советской и постсоветской исторической науки выходят отдельные статьи и работы на эту тему. Среди авторов можно назвать имена Л.П. Ро-

щевской [14; 15; 16; 17], В.К. Белобородова и Т.В. Пуртовой [2], О.А. Милевского [7; 8; 9]. Однако в этих исследованиях не уделялось специального внимания научной деятельности политссыльных, касающихся собственно реки Обь.

ЦЕЛЬЮ статьи является анализ интеллектуального наследия политических ссыльных конца XIX — начала XX вв., непосредственно связанного с изучением реки Обь.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве источниковой базы в статье используются научные труды С.П. Швецова, В.В. Бартенева и дневниковые записи Л.Н. Скалозубова, в период пребывания его в березовской ссылке в 1906 г. При подборе источников учитывалось не только наличие в работах данных исследователей нужного материала, но и, что не менее важно, — география их размещения. С.П. Швецов отбывал ссылку в Сургуте, Л.Н. Скалозубова после Первой русской революции выслали в Березов, а В.В. Бартенов длительное время провел в Обдорске (Салехард).

Таким образом, они располагались в трех ключевых пунктах Обского севера, а это при анализе их материалов дает возможность получить более репрезентативные данные о реке Обь в ее среднем и нижнем течении. Основными методами, используемыми в работе, являются сравнительно-исторический, при помощи которого анализировались имеющиеся в наличии материалы, написанные в разное время, и историко-типологический, его применение способствовало выделению единых типологических черт при анализе рассматриваемых явлений и их последующей систематизации по сходным признакам.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. При рассмотрении научной деятельности ссыльных по изучению Оби необходимо учитывать следующее обстоятельство — в виду невозможности их отлучек из пунктов размещения, а таковое запрещение стало особенно ревностно соблюдаться местными властями после начала деятельности Верховной распорядительной комиссии под председательством М.Т. Лорис-Меликова в 1880 г. и событий 1 марта 1881 г. [26, с. 120], они могли проводить свои изыскания только стационарно.

Можно выделить два направления в их исследованиях. Первое — это собственно географическое, включающее в себя описание флоры и фауны, очертания и геологии береговой линии, влияния реки на климат и проч. Второе, оно же главное — это изучение социально-экономической роли реки в жизни местных жителей. Особое внимание уделялось выявлению способов и организации промысла рыбы, характеру взаимоотношений представителей торгового капитала с местным, в том числе автохтонным населением и т. д.

Что касается организации изучения тех мест, где проживали ссыльные, то в этом вопросе ЗСОИРГО, как могло, старалось помочь. Отмечу, что принципы работы отделений ИРГО и созданных под его покровительством структур с иногородними сотрудниками сводились к следующему: на периферию рассылались анкеты, задания, давались письменные консультации, разыскивались специалисты при помощи объявлений и переписки с широким кругом корреспондентов. То есть отделения ИРГО и музеи выступали как организаторы научных исследований на местах, а политссыльные являлись одними из главных их внешних сотрудников.

Примерно также строились взаимоотношения ЗСОИРГО с «узниками Тобольского севера». Причем нужно отметить, что ЗСОИРГО и Тобольский музей пытались оказывать методическую помощь ссыльным в организации исследований, дабы придать изучению Обского Севера более целостный и комплексный характер. Для этого эти научные учреждения разрабатывали для политссыльных специальные опросники и целые программы по проведению дальнейших работ. Некоторые из анкет были составлены очень квалифицированно, на уровне лучших норм русской и мировой статистической науки; они насчитывали более сотни вопросов, имели грамотно сформулированные четкие и подробные методические рекомендации, что облегчало сбор самых разнообразных сведений.

Одну из таких программ получил в 1893 г. ссыльный А.И. Бородзич для сбора сведений по Обдорскому краю. Программные вопросы группировались вокруг этнографии, экономи-

ки и права. Пункты программы обращали внимание на пережитки первобытных отношений у народов Севера: «существует ли и в какой форме «большая семья», «в брачных отношениях не сохранились ли следы умыкания невест». Другая группа вопросов ориентировала на выяснение особенностей естественного разделения труда, предлагалось собрать сведения о развитии экономики в современную эпоху: «уменьшается ли количество пушного зверя и рыбы», «каковы размеры годовой добычи и ее ценность». Имелся вопрос об индивидуальной и родовой охоте. Пятый пункт был посвящен земельным и промысловым угодьям, кому они принадлежат, как распределяется эта собственность, кто ею распоряжается. В восьмом и девятом разделах говорилось о причинах незначительного увеличения населения на Севере, об отношениях и взаимовлиянии остяков, зырян и русских. О кустарной промышленности упоминалось дважды — в разделе об охоте и рыболовстве (но подробная характеристика здесь не требовалась) и в последней части программы об оленеводстве. Заканчивалась программа словами «Роды (виды) промышленности, связанные с оленеводством. Его доходность» [3, с. 74].

Программа не предлагала исследователю делать выводы по своему материалу, но подводила к необходимости провести самое широкое обследование всех сторон жизни народов Севера. Отчеты об экспедициях и исследованиях публиковались, как в «Записках ЗСОИРГО», так и в ежегодниках Тобольского губернского музея. Немало места в изысканиях, проводимых политссыльными, впоследствии опубликованных, уделялось и крупнейшей транспортной, да и экономической артерии региона — реке Обь.

Открыли череду подобных работ «Очерки Сургутского края», написанные С.П. Швецовым. Они увидели свет в «Записках ЗСОИРГО» в 1888 г.¹ Чуть позднее появилась работа В.В. Бартенева «На крайнем севере Западной Сибири. Очерки Обдорского края». Впервые ее фрагменты опубликовал журнал «Новое слово» (1896. № 8). В этих научных сочинениях, как и в дневниках Н.Л. Скалозубова, немалое место отведено географическому описанию Оби и выявлению ее социально-экономической роли в жизни жителей этих мест.

Так и С.П. Швецов, и В.В. Бартенов обращали внимание на суровый, а главное — очень тяжелый для жизни климат региона. Это длительная восьми-девяти месячная суровая зима, когда морозы за минус 40 градусов не редкость, резко сменяющее ее теплое и сырое лето с огромным количеством кровососущих насекомых. По наблюдениям политссыльных, на формирование такого климата напрямую влияло обилие воды и «сильнейшие разливы орошающих округ рек Оби и ее притоков — Ваха, Агана, Пима, Югана и Салыма» [27, с. 36]. Разливы этих рек, да еще и огромное количество талых вод, приводили к затоплению окрестных мест на сотни верст и надолго превращали их в болота. В свою очередь избыточная влажность делала местный климат крайне нездоровым и приводила к возникновению мириад комаров и мошки, что делало жизнь в этих местах как для людей, так и для скота очень тяжелой [27, с. 36].

Вообще в изучение климата и погоды Обского севера политические ссыльные сыграли важную роль. Фактически, они заложили основы местной метеорологии. Первые метеорологические станции в этих местах были открыты и обслуживались именно ссыльными с конца 1870-х г. Располагались они в Березово, Обдорске, Нахречах (Кондинском) и Сургуте [14, с. 167].

Одной из первых на Обском Севере в 1879 г. открылась метеостанция в Сургуте. Поэтому, анализируя климат Сургутского края, С.П. Швецов делал это вполне репрезентативно, на основе данных местной метеостанции. В Обдорске метеостанция начал работать в 1880 г., с 1882 г. в ней наблюдения вели только политссыльные, а в 1891 г. после отъезда из Обдорска Н.А. Нукермана станцию возглавил В.В. Бартенов. Поэтому он мог также основываться в своих наблюдениях за климатом Обдорского края на объективных данных.

¹ Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1888. Т.Х. С. 1-87.

Изучение географии различных мест Обского севера, через которые несла свои воды могучая Обь, неминуемо приводило политссылных к необходимости более пристального внимания к анализу природо-ресурсной базы региона. Так, описывая в своих трудах флору этих мест, они попутно оценивали лесные богатства мест, где проживали. Ими отмечалось резкое преобладание в лесу или, как его называли местные, «урмане» хвойных пород, из коих повсеместно распространены кедр, лиственница, местами пихта, а преобладающими являются сосна и ель. Такие урманы тянутся вплоть до Березова, которое стоит «среди прекрасного кедрового леса» [1, с. 116], а далее хвойные леса с наличием кедра простираются на север по низовьям Оби, прерываясь примерно за 300 верст от Обдорска [1, с. 116].

Кроме огромных запасов ценных сортов древесины, которых даже при «самом хищническом и неразумном пользовании хватит на десятки лет» [27, с. 37], политссылные акцентировали внимание на других возобновляемых сокровищах края — пушной зверь (лисица, росомаха, соболь, песец, рысь, горноста́й, бурундук, белка), птицы — мясо, пух и перо которых ценится (рябчики, тетерева, лебеди, гуси, гаги, утки), но главное — это рыба. Из крупных и дорогих промысловых пород в Оби и ее притоках выделялись осетр, нельма, стерлядь, муксун, щокур, сырок [27, с. 37]. К этому Н.Л. Скалозубов добавлял сосвинскую сельдь, указывая, что начало ее промысловому лову положил Сибиряков «объявивший за нее цену 3 руб. (за пуд — О.М.) и приславший бочонки» [19, с. 364]. По описаниям Н.Л. Скалозубова, сельдь «очень жирна и вкусна» [19, с. 365]. Одним из центров ее добычи являлся Березов.

Именно изучение рыбного промысла на Оби и ее притоках объединило интересы исследователей. Особенно преуспел в этом С.П. Швецов, причем для сбора материалов по данной тематике он связывался со своими «друзьями по несчастью» из других мест [22, с. 71]. С.П. Швецов прямо отмечал, что «для обитателей описываемого края, русских или остяков, рыба имеет первенствующее значение: она главная пища... для окружного же населения, сверх того, и один из главнейших предметов сбыта на сторону, почему, естественно, и рыболовству в ряду других занятий и промыслов принадлежит первенствующее место» [27, с. 58].

Поэтому неудивительно, что именно социально-экономическое значение речных промыслов на Оби политссылные изучали особенно активно. При анализе их научного наследия обращает на себя внимание то обстоятельство, что С.П. Швецов, В.В. Бартнев и Н.Л. Скалозубов несколько иначе, чем В.Я. Богучарский и особенно К.В. Гамолецкий, смотрели на вопросы рыбодобычи. В отличие от двух последних, они практически не ставили вопроса об охране рыбных запасов. Главное, на чем концентрировалось их внимание, — это способы, организация лова и социально-экономическое положение рабочих на промыслах.

И здесь перед ними, как истинными «друзьями народа», вставал вопрос о судьбах русской общины, кустарных промыслах и российском капитализме, традиционно волновавший публицистов народнического лагеря (В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон и др.). Однако наблюдения за жизнью «людей реки» не всегда совпадали с традиционными тезисами народничества. На основе своих личных наблюдений за промысловиками-сургутянами С.П. Швецов, в пике традиционным утверждениям народников-экономистов, являющихся убежденными сторонниками общины и везде усматривающими исконное общинное начало, показал, что применительно к рыбному промыслу на Оби — это коллективизм выглядит несколько иначе.

Изучая организацию добычи рыбы, он заметил отличие ее лова на больших и малых реках. Так, на Оби и ее крупных притоках добыча велась громадными неводами, а на малых речках и озерах — сетями, перетягивающими водоемы поперек, а также «мордами» и другими ловушками [27, с. 58]. Снасти для лова второго типа были более дешевы, изготавливались местными умельцами и их имели почти все домохозяева. Иначе дело обстояло с обеспечением таковыми снастями на больших реках, где добывалась самая дорогая

рыба — осетр стерлядь, нельма, муксун, щекур. Здесь ощущалась необходимость в особых лодках, так называемых неводниках, на 15–20 человек, и огромных на 200–300 сажен неводах, железных баграх, канатах и проч. Все это требовало уже больших средств. Цена хорошего невода достигала нескольких сот рублей, лодка-неводник стоила 25–30 рублей [27, с. 59].

В результате, по наблюдениям С.П. Швецова, промысел на Оби сургутяне вели на коллективных артельных началах, хотя слово артель не использовали, заменяя словом «товарищ», то есть «не вступить в артель», а «пойти в товарищи» [27, с. 51]. Однако природа этого «товарищеского коллективизма» оказывалась иной, не исторически сложившейся, а скорее экономически обусловленной. Вывод его гласил: «Таким образом, существование артели в промысловых занятиях сургутян мы объясняем не склонностью местного населения к якобы избранной форме труда, составляющей характерную черту русского племени, а просто физической невозможностью вести промыслы в ином начале, помимо, артельного» [27, с. 59].

И все же при общей оценке экономической ситуации в Сургутском крае народник в С.П. Швецове брал верх. Он, как раз следуя народнической традиции, отмечал фактор разложения общинных начал, указывая как главную причину — фактор кулака, ранее уже хорошо описанный в трудах писателей-народников применительно к Европейской России. В рамках этой литературной традиции С.П. Швецов обращал внимание на то, что «не всякая артель промышленников вполне пользуется результатом промысла, — нередки случаи, когда она бывает вынуждена уступать часть своих заработков, постороннему лицу, скупщику-кулаку» [27, с. 54].

Об усиливающейся роли скупщика-кулака писал и В.В. Бартенев, с грустью отмечавший, что желание нажиться на трудностях ближнего — явление в современной ему России повсеместное — не обошло и жителей Обдорска. «Обдорянин, эксплуатирующий инородца, — писал он. — Ничем не хуже, скупщика Европейской России, обирающего кустарей... Поэтому странно осуждать обдорян за то, что они следуют общей тенденции всей жизни» [1, с. 154].

Отметим, что свои наблюдения С.П. Швецов и В.В. Бартенев делали в тот период, когда капитализм уже активно развился на рыбных промыслах и предстал перед ними во всей своей негативной изнанке. С.П. Швецов, наблюдая реалии промышленного лова дорогих пород рыбы, отмечал, что «трудно представить себе более гибельную обстановку, чем та, которую мы встретили на рыбных песках Оби и ее притоков» [27, с. 66].

Следует отметить, что его нелюбимые оценки в целом совпадали с итогами обследования Тобольского Севера, проведенного И.С. Поляковым по заданию Академии наук в 1876 г. По итогам этой экспедиции, ученый вполне объективно описал крайне тяжелое положение промысловых рабочих. Он прямо указывал на то, что обская рыбопромышленность находится в первобытном состоянии, и чтобы из него выйти, «должна из тех денег, которые хозяева кладут в свои кошельки в Тобольске, Екатеринбурге и после Ирбитской ярмарки, уделять значительную часть остякам, которые остаются в своих убогих юртах и чумах постоянно в долгах; — рабочим, которые уносят из Тобольска по полу-ковриге черного хлеба, лохмотья, болезни, часто не излечимые, с тупым воспоминанием о понесенных трудах, лишениях, о нанесенных оскорблениях, вдобавок к чему, возвращающийся и нищий уже рабочий находит в той же нищете и свою семью» [13, с. 102].

Более того, И.С. Поляков составил рекомендации по улучшению ситуации, на основе которых генерал-губернатор Казнаков распорядился принять меры к насколько возможно исправлению положения дел. В частности, предусматривалось: сокращение продолжительности рабочего дня, требование к хозяевам построить жилые помещения с соблюдением гигиенических норм по планам губернского строительного комитета, столовые, бани, улучшить питание одежду. Но мероприятия эти так и не были осуществлены. Рыбопро-

мышленники не выполнили распоряжений [11, с. 31]. Так что в данном вопросе ссыльные народники выступали заодно с властью, но мало чего добились.

Не менее ярко изобразил проявления «дикого капитализма» на рыбных промыслах в своих «очерках» начала 1890-х гг. В.В. Бартнев: «Большинство обдорских промышленников — мелкие, нанимающие около 5–7–12 рабочих. Некоторые имеют и больше до 100 человек; рабочими являются частью русские и зыряне из обдорских жителей, частью (значительное большинство) — остяки. Рабочая плата колеблется от 5–7 рублей до 30–50 за лето. Как среднюю можно принять 20 рублей» [1, с. 188]. Описал он и использование самого дешевого детского труда, а также стариков и калек [1, с. 213]. В.В. Бартнев как истинный народник, ставший невольным свидетелем активного вторжения торгового капитала в жизнь «людей реки», полагал, что спасение от рабского труда рыбаков в том, чтобы мелкие промышленники соединились в артели, но видел на этом попроще много подводных камней [1, с. 213], хотя и полагал, что такое время для Обдорска когда-нибудь наступит [1, с. 210].

Однако в реалиях неумолимое время все дальше отодвигало мечты народников конца 1870–1880-х гг. о справедливых артельных сообществах, заменяя их суровой правдой хищнического русского капитализма «Колупаевых и Разуваевых». Эту ситуацию, связанную как раз с добычей рыбы в Березове, наблюдал уже в 1906 г. Н.Л. Скалозубов. В результате своих бесед с местными жителями и изучения ситуации на месте, он в своем дневнике отмечал, что упадок Березова начался с того, что «жители целиком очутились в кабальной зависимости от тобольских рыбопромышленников» [19, с. 364].

Интерес предпринимательских кругов к Оби, особенно низовой ее части, с огромными рыбными запасами, был действительно очень серьезным. В начале 1890-х гг. А.М. Сибиряков на пароходе «Енисей» обследовал рыбные промыслы на Оби и в Обской губе и побывал в Березове. Как справедливо отмечала историк О.А. Задорожная: «Такие расходы мог позволить себе не каждый предприниматель» [5, с. 87], и, естественно, такие дорогостоящие поездки проводились с дальними прицелом, а именно с целью извлечь максимальную прибыль из эксплуатации рыбных ресурсов Нижней Оби.

О резкой активизации промыслового бизнеса на Оби и ее притоках свидетельствуют и цифры. По данным Н.А. Верпоховского, добыча рыбы в Обь-Иртышском бассейне в 1900-х гг. достигала 1 миллиона пудов [4, с. 84], а ранее в 1876 г. И.С. Поляков приводил вес рыбы, вывозимой в Тобольск «из остяцких земель, в 500 000 пудов» [13, с. 101]. Даже при всей приблизительности подсчетов рост за три десятка лет очевиден.

От хищнической деятельности «акул рыбного бизнеса» в первую очередь страдала та часть населения Обского севера, для которого река служила кормилицей и средством заработка. Всю остроту ситуации понимали даже некоторые из наиболее думающих и заботящихся о будущем рыбопромышленников. В своей дневниковой записи от 29 апреля 1906 г. Н.Л. Скалозубов воспроизвел свой весьма показательный разговор с одним из таковых — по фамилии Никитин. В этой беседе последний говорил «о необходимости, в видах поднятия благосостояния по Оби живущего населения, издания закона, по которому было бы запрещено ловить вонзевую рыбу (живец сеговых пород рыбы, поднимающийся с Обской губы на нерест — О.М.) в низовьях Оби ниже мыса Вангальского (5 верст от Обдорска) до 5 июля. Все крупные и богатые рыбопромышленники захватили пески ниже Вангальского мыса, где Обь соединяется в один рукав. Здесь они ждут рыбу и вычерпывают ее. Рыба идет большими косяками. Отсюда понятна та иногда баснословно высокая арендная плата (до 3000 рублей в год), которую рыбопромышленники в состоянии выплачивать за пески. Из захваченной неводами рыбы в солку идет самая лучшая, остальное идет на присол рабочим и на заготовление «юколы». Поэтому низовой товар всегда лучше верхового. В годы, особенно обильные рыбой, много ее просто бросается и гниет» [19, с. 337]. Стоит добавить, что, по оценкам В.В. Бартнева, тобольские купцы и рыбопромышленники вылавливали 9/10 всей низовой рыбы [1, с. 186].

То есть здесь вам и недобросовестная конкуренция, и хищническая эксплуатация речных угодий, и разорение и закабаление местного населения, в том числе автохтонного. Попутно в приведенной выше дневниковой записи Н.Л. Скалозубов поднял и еще один острый вопрос — о сдача ценнейших рыбных песков низовой Оби, принадлежащих остякам (хантам), в аренду крупным промышленникам. Казалось бы, все делалось добровольно и за плату. Но на деле оборотистые купцы зачастую просто обирали коренное население Югры, пользуясь его неумением адаптироваться к новой экономической ситуации или используя его слабости, включая алкоголь.

Ссылки не раз заостряли на этом внимание. «Многие остяцкие общества сдают свои ловли в аренду тобольским купцам и некоторым крестьянам-рыбопромышленникам, — писал С.П. Швецов. — Причем сдаются самые лучшие рыболовные пески, славящиеся богатейшим уловом рыбы. Сдавая их, остяки далеко не всегда руководствуются тем соображением, что у них находятся лишние, не нужные им самим, удобные для лова места — чаще всего в этом играет роль крайняя нищета остяков, не имение собственных рыболовных снастей и других принадлежностей промысла, вообще невозможность эксплуатировать собственными силами, находящиеся в их руках богатства. Та же безвыходная нищета заставляет остяков наниматься в работники к рыбопромышленникам и закабаляться им» [27, с. 49].

На такую же незавидную участь коренных жителей Севера Западной Сибири указывал и В.В. Бартнев, отмечая, что «по Оби вниз от Обдорска есть очень много рыболовецких мест, которых остяки, за их сравнительной малочисленностью, сами эксплуатировать не могут и сдают в аренду преимущественно богатым тобольским купцам. При этом остяки получают самую ничтожную плату в силу того, что они совершенно закабалены неоплатными долгами» [1, с. 129]. Слова С.П. Швецова и В.В. Бартнева полностью совпадали с картинкой тогдашней ситуации Г.А. Пирожниковым, отмечавшим что «с развитием товарно-денежных отношений вылов увеличивался, рыба становилась товаром...лучшие угодья аборигенов захватывались русскими рыбопромышленниками, проводившими добычу рыбы в большом количестве, часто хищническим способом, в том числе самоловами. Иногда для видимого соблюдения законности, угодья арендовались, но за самую низкую плату» [11, с. 31].

Как уже выше указывалось, выход из сложившейся ситуации ссылки — народники видели в необходимости создания артелей, организованных на справедливых началах. В.В. Бартнев со ссылкой на статью «Осташи» Красноперова из «Русского богатства» (№ 6, 1894 г.) даже приводил пример подобной рыболовецкой артели латышей, успешно работающей на Западной Двине, построенной на основаниях взаимопомощи и исповедующей принципы равенства и братства [1, с. 208-209]. Но при этом те же политссылки признавали, что пока до этого очень далеко.

Из практических рекомендаций все тот же В.В. Бартнев предлагал учреждение регулярно пароходства по Оби до Обской губы. Он полагал, что если бы пароходы ходили все лето и понемногу забирали рыбу, то «тогда цена на нее поднялась бы, облегчился бы сбыт, привоз стал бы более равномерен и т.д.» [1, с. 210]. Но он сам весьма критично оценивал свое предложение, полагая, что содержание парохода не окупилось бы [1, с. 210].

Хотя здесь он оказался не прав, уже в начале XX в. появились первые маршруты речных судов на Обской север, так «Обдорско-Тобольская компания» получила привилегию на организацию движения судов между Тюменью, Тобольском, Березово и Обдорском в течение последующих 10 лет [5, с. 97]. Практически одновременно с ними на Севере Западной Сибири начал свою деятельность Торговый дом «Плотников и С-я», например, в 1901 г. по маршруту Тюмень-Обдорск курсировало судно этой компании «Почетный», которое «принимало грузы и пассажиров на борт после прибытия поезда, а из Обдорска вывозила продукцию местных промыслов и сырье для рыбоконсервного завода» [5, с. 98]. Как видим, предпринимательские инстинкты и рост капиталов тобольского купечества опрокидывали, казалось бы, даже самые несбыточные идеи народников.

Другой практической рекомендацией от ссыльных, уже в условиях начала XX в., служило вполне разумное предложение Н.Л. Скалозубова о необходимости организации устойчивого кредита, то есть создания кредитных учреждений, в том числе для поддержания вольного рыбного промысла [19, с. 364–365], но это едва ли улучшило положение коренного населения Севера Западной Сибири.

В развитие данной темы стоит также отметить идею В.В. Бартенева, касающуюся более справедливого раздела рыбных угодий в районе Обдорска. Он отталкивался от того, что из того, что остяки владеют землями на родовом начале, а вследствие разных причин (эпидемии и проч.) инородцы вымирают, и очень часто в родах остаются буквально единицы на огромные пространства и «притом получающие самый ничтожный доход, благодаря кабале у тоболяков».

Исходя из такого положения дел, он предлагал: «Вот из этих-то латифундий... произвести наделение, как обдорских крестьян, так и более бедных инородцев. Пострадали бы, в сущности, только крупные рыбопромышленники, в руках которых фактически находится остяцкие земли» [1, с. 130]. Но думается в логику набирающего силу на окраинах Российской империи хищнического капитализма, в целом поддерживаемого официальной властью, такие предложения В.В. Бартенева и остальных едва ли вписывались.

ВЫВОДЫ. Таким образом, при анализе научной деятельности политссыльных отчетливо видно, что они много сделали для изучения Севера Западной Сибири, причем изнутри, проживая в местах ссылки длительное время. Немалое место в их исследованиях уделено главной водной артерии этого региона — реке Обь. Да, ссыльные в силу привязанности к местам своего пребывания не могли, достаточно развернуто проводить свои географические изыскания, изучать геологию прибрежных районов, гидрологию реки и т.д.

Хотя даже в такой ситуации, проживая в населенных пунктах, расположенных по Оби, занимаясь метеонаблюдениями, они обратили внимание на то, какое влияние оказывала речная система Оби на формирование климата этой огромной территории.

Немало политссыльные сделали и для изучения природно-ресурсного потенциала Обского севера, в котором рыбные богатства играли ключевую роль. Опираясь на полученные данные, они обратились к исследованию социально-экономического положения населения, живущего по берегам Оби, и в этом действительно преуспели. Изучая организацию и способы добычи ценных пород рыбы, ссыльные увидели быстрое проникновение капитализма в эту сферу. Конечно, они понимали, что появление крупного капитала в рыбопромысловом деле в целом способствовало развитию экономики края, но, с другой стороны, дикий капитализм нес в себе целую череду социальных издержек, которые ссыльные резко критически обозначили в своих работах:

Во-первых, продвижение фактически бесконтрольного лова богатыми промышленниками дальше на север приводило к разорению промысловиков, добывающих рыбу выше по течению Оби, что способствовало упадку городов, ранее известных как крупные центры рыбодобычи, например, Березово.

Во-вторых, безудержная, практически ничем не регламентированная эксплуатация наемных рабочих на промыслах нуворишами — рыбопромышленниками порождала многочисленные социальные язвы.

В-третьих, тяжелое положение автохтонного населения этих мест — остяков (хантов), исконно связанных с рекой и рыбным промыслом, но оказавшихся не готовыми к новым экономическим реалиям, которые нес с собой хищнический капитализм.

Исходя из этого, исследователи-политссыльные предлагали меры к исправлению ситуации. Они виделись им:

- в использовании новых форм трудовой организации в рыбной ловле, в том числе простейших форм кооперации и артелей, для организации более эффективного промысла;

- в организации системы кредитных учреждений, причем прямо в крупных населенных пунктах Обского севера;
- в притоке колонистов, но на этот раз вольных, богатых энергией и знанием. «Такие колонисты могли бы оживить край, вдохнуть в него душу», — с надеждой писал С.П. Швецов [27, с. 111].

К сожалению, большинство из этих предложений оказались не реализованными, но своими научными публикациями и статьями в местной печати политические ссыльные все же обращали внимание власть предержащих на проблемы, имеющиеся на территориях, расположенных в речной системе Оби.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартенев В.В. На крайнем севере Западной Сибири. Очерки Обдорского края// Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург: Средне-Уральское книжн. из-во, 1998. С. 114–217.
2. Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Ученые и краеведы Югры: Библиограф. словарь. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 349 с.
3. Бровина А.А, Рощевская Л.П. Личные библиотеки Севера России (конец XVIII — начало XX вв.). Сыктывкар: Коми научн. центр Уро РАН, 2000. 93 с.
4. Верпоховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби: В 2-х ч. Тюмень: ООО «Изд-во Юрия Мандрики», 2003. 256 с.
5. Задорожная О.А. Речные компании Западной Сибири (1860–1917 гг.). Сургут: Издат. центр СурГУ, 2012. 254 с.
6. История Сибири. С древнейших времен до наших дней в 5-ти томах. Т. 2. Л.: Наука, 1968. 538 с.
7. Милевский О.А. Научная и культурно-просветительская деятельность политических ссыльных на Обском Севере: 1905–1917 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 6 (69). 2020. С. 73–82.
8. Милевский О.А. Научно-исследовательская деятельность ссыльных народников по изучению Тобольского Севера: конец 1870-х-1890-е гг. // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие / Сб. стат. Всероссийской научной конференции (г. Сургут, СурГУ, 24–25 ноября 2017 г.). Сургут: Печатный мир г. Сургута, 2017. С. 18–31.
9. Милевский О.А. Политическая ссылка 1860–1890-х гг. на Тобольский Север: социокультурный контекст. Тюмень: Аксиома, 2017. 132 с.
10. Николаев В.И. Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторга и ссылка. 1927. № 5. С. 87–116.
11. Пирожников Г.А. Записки уездного исправника. Сургут: Северо-Сибирское региональное книжн. из-во, 2002. 104 с.
12. Подбельский Ю.Н. Культурное наследие Сургутской политической ссылки (К столетию смерти декабриста А.И. Шакирева) // Уральское краеведение. 1928. № 2. С. 210–215.
13. Поляков И.С. Путешествие в долину р. Оби. Тюмень ООО «Изд-во Юрия Мандрики», 2002. 200 с.
14. Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 177 с.
15. Рощевская Л.П. Изучение приарктической территории России конца XIX — начала XX в. политическим ссыльным В.В. Бартеневым // Сибирская ссылка: Сб. науч. стат. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 252–273.
16. Рощевская Л.П. К истории изучения Обского Севера в последней четверти XIX в // Природные ресурсы Тюменской области (тезисы докладов на конференции 21–23 ноября 1972 г.). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1973. С. 113–115.
17. Рощевская Л.П. Тобольский губернский музей и политические ссыльные конца XIX в // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архивного музея заповедника. Свердловск, 1975.

18. Сибирияков А.М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях с другими странами. СПб.: Тип М.М. Стасюлевича, 1907. 199 с.
19. Скалозубов Н.Л. Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург: Средне— Уральское книжн. из-во, 1998. С. 359–390.
20. Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 92–117.
21. Ученые и краеведы Югры: библиографический словарь. / Сост. Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Тюмень: Софт Дизайн, 1997. 350 с.
22. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западную Сибирь // Каторга и ссылка. 1928. № 3. С. 35–89;
23. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западную Сибирь // Каторга и ссылка. 1928. № 4. С. 90–105.
24. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западную Сибирь // Каторга и ссылка. 1928. № 10. С. 96–112.
25. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западную Сибирь // Каторга и ссылка. 1928. № 11. С. 88–105.
26. Швецов С.П. К «предыстории» Якутской бойни // Каторга и ссылка. 1929. № 4. С. 119–128.
27. Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург: Средне-Уральское книжн. из-во, 1998. С. 34–111.

REFERENCES

1. Bartenev V.V. *Na krajnem severe Zapadnoj Sibiri. Oчерki Obdorskogo kraja* [In the far north of Western Siberia. Essays of the Obdorsky region] // *Tobol'skij Sever glazami politicheskikh ssyl'nyh XIX — nachala XX veka*. Ekaterinburg: Sredne— Ural'skoe knizhn. iz-vo, 1998. S. 114–217. (In Russian).
2. Beloborodov V.K. *Puteshestvie so skuki* [Journey from boredom] // *Podorozhnik: kraevedcheskij al'manah*. Vyp.5. Tyumen': Mandri K, 2005. S. 319–324. (In Russian).
3. Brovina A.A., Roshchevskaya L.P. *Lichnye biblioteki Severa Rossii (konec XVIII — nachalo XX vv.)* [Personal libraries of the North of Russia (late XVIII — early XX centuries)]. Syktyvkar: Komi nauchn. Centr Uro RAN, 2000. 93 s. (In Russian).
4. Verpohovskij N.A. *Rybolovstvo v bassejne reki Obi* [Fishing in the Ob River basin]: V 2-h ch. Tyumen': OOO «Izd-vo Yuriiya Mandriki», 2003. 256 s. (In Russian).
5. Zadorozhnyaya O.A. *Rechnye kompanii Zapadnoj Sibiri (1860–1917 gg.)* [River companies of Western Siberia (1860–1917)]. Surgut: Izdat. Centr SurGU, 2012. 254 s. (In Russian).
6. *Istoriya Sibiri. S drevnejshih vremen do nashih dnei v 5-ti tomah* [The History of Siberia. From ancient times to the present day in 5 volumes]. T.2. L.: Nauka, 1968. 538 s. (In Russian).
7. Milevsky O.A. *Nauchnaya i kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' politicheskikh ssyl'nyh na Obskom Severe: 1905–1917 gg.* [Scientific and cultural and educational activities of political exiles in the Ob North: 1905–1917] // *Vestnik Surgustskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 6 (69). 2020. S. 73–82. (In Russian).
8. Milevsky O.A. *Nuchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' ssyl'nyh narodnikov po izucheniyu Tobol'skogo Severa: konec 1870-h-1890-e gg.* [Scientific research activity of exiled narodniks on the study of the Tobolsk North: the end of the 1870s-1890s.] // *Revolucionnaya Sibir': istoki, processy, nasledie / Sb. stat. Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Surgut, SurGU, 24–25 noyabrya 2017 g.)*. Surgut: Pechatnyj mir g. Surguta, 2017. S. 18–31. (In Russian).
9. Milevsky O.A. *Politicheskaya ssylka 1860–1890-h gg. Na Tobol'skij Sever: sociokul'turnyj kontekst* [Political exile of the 1860s-1890s to the Tobolsk North: a socio-cultural context]. Tyumen': Aksioma, 2017. 132 s. (In Russian).
10. Nikolaev V.I. *Sibirskaya politicheskaya ssylka i izuchenie mestnogo kraja* [Siberian political exile and the study of the local region] // *Katorga i ssylka*. 1927. № 5. S. 87–116. (In Russian).
11. Pirozhnikov G.A. *Zapiski uezdnogo ispravnika* [Notes of the district police officer]. Surgut: Severo— Sibirskoe regional'noe knizhn. iz-vo, 2002. 104 s. (In Russian).

12. Podbel'skij Y.N. *Kul'turnoe nasledie Surgutskoj politicheskoy ssylki (K stoletiyu smerti dekabrysta A.I. Shakireva)* [Cultural heritage of Surgut political exile (To the centenary of the death of the Decembrist A.I. Shakirev)] // *Ural'skoe kraevedenie*. 1928. № 2. S. 210–215. (In Russian).
13. Polyakov I.S. *Puteshestvie v dolinu r. Obi* [Journey to the valley of the Ob River]. Tyumen' OOO «Izd-vo Yuriya Mandriki», 2002. 200 s. (In Russian)
14. Roshchevskaya L.P. *Revolucionery-raznochincy v zapadnosibirskom izgnanii* [Raznochin revolutionaries in West Siberian exile]. L.: Izd-vo LGU, 1983. 177 s. (In Russian).
15. Roshchevskaya L.P. *Izuchenie priarkticheskoy territorii Rossii konca XIX— nachal XX v. politicheskimi ssyl'nym V.V. Bartenevym* [The study of the Arctic territory of Russia in the late XIX— early XX century by political exile V.V. Bartenev] // *Sibirskayassylka*: Sb. nauch. stat. Irkutsk: Ottisk, 2017. S. 252–273. (In Russian).
16. Roshchevskaya L.P. *K istorii izucheniya Obskogo Severa v poslednej chetverti XIX v.* [On the history of the study of the Ob North in the last quarter of the XIX century] // *Prirodnye resursy Tyumenskoy oblasti (tezisy dokladov na konferencii 21–23 noyabrya 1972 g.)*. Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta, 1973. S.113–115. (In Russian).
17. Roshchevskaya L.P. *Tobol'skij gubernskij muzej i politicheskie ssyl'nye konca XIX v.* [Tobolsk Provincial Museum and political exiles of the late XIX century] // *Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu Tobol'skogo istoriko-arhivnogo muzeya zapovednika*. Sverdlovsk, 1975. (In Russian).
18. Sibiryakov A.M. *O putyah soobshcheniya Sibiri i morskikh snosheniyah s drugimi stranami* [On the ways of communication of Siberia and maritime relations with other countries]. SPb.: Tip M.M. Stasyulevicha, 1907. 199 s. (In Russian).
19. Skalozubov N.L. *Dnevnik* [Diary] // *Tobol'skij Sever glazami politicheskikh ssyl'nyh XIX — nachala XX veka*. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhn. iz-vo, 1998. S. 359–390. (In Russian).
20. Surgutyaniin. *Sto let Surgutskoj ssylke* [Surgutyaniin. One hundred years of Surgut exile] // *Katorga i ssylka*. 1929. № 12. S. 92–117. (In Russian)
21. *Uchenye i kraevedy Yugry: bibliograficheskij slovar* [Scientists and local historians of Ugra: a bibliographic dictionary] / Sost. Beloborodov V.K., Purtova T.V. Tyumen': Soft Dizajn, 1997. 350 s. (In Russian).
22. Shvecov S.P. *Kul'turnoe znachenie politicheskoy ssylki v Zapadnuyu Sibir'* [The cultural significance of political exile in Western Siberia] // *Katorga i ssylka*. 1928. № 3. S. 35–89. (In Russian).
23. Shvecov S.P. *Kul'turnoe znachenie politicheskoy ssylki v Zapadnuyu Sibir'* [The cultural significance of political exile in Western Siberia] // *Katorga i ssylka*. 1928. № 4. S. 90–105. (In Russian).
24. Shvecov S.P. *Kul'turnoe znachenie politicheskoy ssylki v Zapadnuyu Sibir'* [The cultural significance of political exile in Western Siberia] // *Katorga i ssylka*. 1928. № 10. S. 96–112. (In Russian).
25. Shvecov S.P. *Kul'turnoe znachenie politicheskoy ssylki v Zapadnuyu Sibir'* [The cultural significance of political exile in Western Siberia] // *Katorga i ssylka*. 1928. № 11. S. 88–105. (In Russian).
26. Shvecov S.P. *K «predystorii» Yakutskoj bojni* [On the "prehistory" of the Yakut massacre] // *Katorga i ssylka*. 1929. № 4. S. 119–128. (In Russian).
27. Shvecov S.P. *Tobol'skij Sever glazami politicheskikh ssyl'nyh XIX — nachala XX veka* [Tobolsk North through the eyes of political exiles of the XIX — early XX century]. Ekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhn. iz-vo, 1998. S. 34–111. (In Russian).